

УДК 821 И. Рам (7)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В РОМАНЕ ИТАФ РАМ «ЖЕНЩИНА – НЕ МУЖЧИНА»

Е. В. Гранкина,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
и зарубежной литературы Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8755-9249>

Поступила в редакцию 13.12.2024.

Сюжет романа И. Рам «Женщина – не мужчина» образует цепочка женских судеб. Героини рождены в разное время, в разных странах, но уникального, единичного в историях их жизни немного, в отличие от постоянного, всеобщего – насилия, которое переживает каждая из женщин. Суть положения, определившего вектор исследования, заключена в том, что насилие в многообразии его форм и способов репрезентации представляет собой семантический стержень, эмоционально-смысловую доминанту, организующую весь ход повествования. Основными формами воплощения насилия в романе И. Рам являются политическое и семейное, физическое и психологическое, вербальное насилие. Однако каждое из них существует не самостоятельно – трагическое звучание романа определено взаимопроникновением этих форм.

Ключевые слова: насилие, раса, социум, семья, личность, человеческое достоинство, Итаф Рам.

The plot of Etaf Rum's novel 'A Woman Is No Man' revolves around interconnected female destinies. The protagonists are born in different times and places, yet their life stories share a common thread – an experience of persistent, systemic violence that affects every woman's life. This study argues that violence, in its various forms and representations, serves as the semantic core and emotional focal point of the novel. This central theme, in turn, shapes the entire narrative structure. The main manifestations of violence in the novel include political, familial, physical, psychological, and verbal abuse. However, none of these forms exists in isolation – the novel's tragic undertone emerges from their interweaving.

Keywords: violence, race, society, family, personality, human dignity, Etaf Rum.

Введение. 26 сентября 2019 г. в Палестине прошли протесты и демонстрации женщин против жестокого, деспотичного отношения к ним. Поводом стала смерть 21-летней девушки Исры Хариб, тридцать пятой за год жертвы «убийства чести». «Убийство чести» на Ближнем Востоке – это традиционная практика террора, физического и психологического насилия, лишения жизни преимущественно женщин из-за их «неправильного», порочащего мужчину поведения. Или подозрения в таком поведении. Варварская суть «убийства чести» заключена в том, что акт расправы чинят не только люди «чужой крови», но и родственники, которые этой смертью стремятся оградить свое имя от позора и избежать социального ostracism.

Роман американской писательницы палестинского происхождения И. Рам «Женщина – не мужчина» [1] также был опубликован в 2019 г., одну из главных героинь произведения зовут Исра, но упоминания автора о связи убийства И. Хариб с проблематикой романа нет. Тем не менее, в книге И. Рам исследует глубинные причины незащищенности палестинской женщины ни в социуме, ни в семье.

UDC 821 И. Рам (7)

LITERARY INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF VIOLENCE IN ETAF RUM'S NOVEL “A WOMAN IS NO MAN”

E. Grankina,

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8755-9249>

Received on 13.12.2024.

Роман отражает личный опыт писательницы: в соответствии с мусульманскими традициями она, как и героини повествования, была отдана замуж в раннем возрасте, вскоре родила детей, но примириться с репрессивными традициями не смогла. О том, как зрело в ней это сопротивление, рассказано в романе «Женщина – не мужчина».

Основная часть. Сюжет романа образует череда женских судеб – бабушки (Фарида), матери (Исры) и дочерей (Сары, Дейи). Они живут в разное время, рождены в разных странах – Палестине и Америке. Основное место действия романного повествования – США, куда женщины либо иммигрировали, либо уехали, выйдя замуж за получившего американское гражданство палестинца, либо были рождены в Соединенных Штатах. Но уникального, единичного в их судьбах немного, в отличие от постоянного, всеобщего – насилия, которое переживает каждая из женщин. Либо не может пережить – как Исра Раад, которую родители почти в подростковом возрасте отдали замуж и отправили за лучшей жизнью в свободную Америку.

Суть положения, которое стало ключевым в данном исследовании, заключена в том, что насилие в многообразии его форм и способов репрезентации в романе «Женщина – не мужчина» представляет собой семантический стержень, эмоционально-смысловую доминанту, которая организует весь ход повествования.

Отметим, что в данной работе не рассматриваются философские аспекты насилия, они были изучены ранее на примере творчества Т. Моррисон и Дж. К. Оутс [2; 3; 4].

Актуальность проблемы насилия в современном социокультурном дискурсе обусловлена теми вызовами, с которыми сталкивается человек: политические и этнические противостояния, противоречия социального и семейного взаимодействия. Это обусловило появление отдельной области научного изучения феномена насилия. Так, в 2021 г. Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН была организована конференция «Вся ненависть мира: насилие в литературе и искусстве». Ее целью была заявлена попытка осмысления изображения проявлений агрессии, насилия и ненависти, с которыми тесно связана как история человечества, так и всемирная история искусств. Исследователи обратились к категории «насилие» и рассмотрели ее репрезентации в различных видах искусства и литературы, в индивидуальных авторских воплощениях [5].

Основными формами проявления насилия в романе И. Рам являются политическое и семейное, физическое и психологическое, вербальное насилие. Однако каждое из этих проявлений существует не сепаратно, изолировано – трагическое звучание романа определено взаимопроникновением этих форм.

Внешний фон произведения организует палестино-израильский военный конфликт. Очевидна гражданская позиция писательницы, этнической палестинки: для нее Израиль – оккупант, страна-агрессор, которая, вторгшись на территорию земель, принадлежащих Палестине, лишила ее жителей дома и семьи, стала причиной разрушенных судеб палестинцев.

Историческую достоверность роману придают упоминания о реально существовавших лагерях беженцев, куда помещались лишены своего жилища палестинцы. Одним из таких лагерей был лагерь Аль-Амари в Рамалле. Писательница воспроизводит условия жизни в этом лагере: отсутствие воды и электричества, размещение по шесть и более человек в тонких нейлоновых палатках – даже в суровые зимы, нехватка еды, простаивание в очередях за пайком и т. д. Невозможность полноценного существования в этих лагерях заставляет героев бежать в Америку, что приводит к разрушению их идентичности, заставляет чувствовать себя на новом месте чужаком, изгоем, «пустым местом», где «душа разрыва-

лась надвое, колеблющаяся и скованная» [1, с. 127].

Но даже покинув терроризируемую внешней силой Палестину, герои остаются в том же состоянии насилия, которое они переживали на родине. Но теперь эту агрессию продуцирует не другой народ, а они сами.

Жестокость внутри семьи – одна из ведущих тем романа, главная роль в котором закрепляется за женскими персонажами. Как показывает И. Рам, вне зависимости от своего положения в семье женщина едва ли не ежедневно сталкивается с насилием, более того, оно превращается в норму, установившийся порядок вещей: «муж, который бьет жену» – это «такое же будничное дело, как отец, который бьет ребенка» [1, с. 211].

Желание одной из героинь оградить себя от вековой участи раннего замужества привело ее к решению сбежать из дома. В разговоре с подружкой девушка слышит контраргумент этому поступку, заключается он в том, что «оплеухами... дело не ограничится» [1, с. 282], ее станут избивать и отец, и братья. Спокойствие, с которой беглянка реагирует на это предупреждение, показательно. Отчаяние ее было так высоко, что даже угроза жизни не смогла остановить девушку от принятого решения.

Картина мира, созданная писательницей в романе «Женщина – не мужчина», иллюстрирует то, что насилие по отношению к палестинке поддерживается на всех уровнях социального устройства. Исра, рассказывая о правилах жизни на родине, замечает, что спасение от мужской агрессии не даст и полиция, в случае необходимости помощи «явись ты туда, тебя бы отволокли назад к мужу» [1, с. 219].

По арабским семейным правилам главная роль в семье принадлежит мужчине: сыну, мужу. Показывая то уважение и признание исключительности, которое в арабской общине создается вокруг мужчины, И. Рам использует выразительный образ мужчины – «фарфоровая кукла» [1, с. 89]. Муж считается добытчиком, создателем, в то время как задача женщины – готовить пищу, рожать и воспитывать детей. Мальчиков. Рождение девочки в той этнической автономии, которая представлена в романе И. Рам, приравнивалась к великому поражению перед судьбой, несчастью, горю, экономическому краху. Быть дочерью – значит быть «балвой (курсив – И. Рам) – проблемой, обузой» [1, с. 130]. Исра стала матерью четырех дочерей и это явилось причиной ее смерти: она оказалась презираема в своей семье и мужем – Адамом, и его родителями.

Отметим, что от домашнего насилия страдают не только женщины, но и мужчины. Одна из героинь размышляет о том, что «страдания женщин берут начало в страданиях мужчин» [1, с. 136], что рабство, подчинение другому, невозможность оказать сопротивление одних

«порождает рабство других» [1, с. 136]. Эти рассуждения венчает риторический вопрос: «Стали бы мужчины колотить ее, если бы их самих не колотили?» [1, с. 137]. В таком положении находятся многие мужские персонажи романа.

Обстоятельства, в которых оказался Адам: необходимость как старшему сыну отвечать за материальный достаток в семье, понимание претензий (пусть и негласных) со стороны своих родителей из-за того, что в его семье не родилось сыновей, т. е. психологическое давление – привели к тому, что в мужчине росло чувство злости, ненависти и к миру, и к семье. Первая попытка непослушания Истры (она позволила себе осторожно возразить мужу по поводу его распоряжения перевести дочерей учиться из американской школы в арабскую) привела Адама к вспышке гнева, в результате которой он избил жену до смерти. Но то кольцо противоречий, в которое загнали Адама деспотичные законы организации жизни в мусульманском мире, осознание неправильности этих законов и своей невозможности им противостоять, стало причиной самоубийства мужчины.

Этот сюжетный ход иллюстрирует авторскую убежденность в том, что насилие порождает насилие. Это не только физическое насилие, но и психологическое, когда мужчина, в семье которого нет сыновей, занимает в социуме маргинальное место, вторичное, или женщина, которую патриархальное общество обезличивает. Арабский мир, по замечанию И. Рам, «вдавливает в женщину чувство собственного ничтожества» [1, с. 277], прививает ей представление о «постыдности пола» [1, с. 309], возвращает «отвращение к своей женской сути» [1, с. 356], а любой акт проявления свободы может стать причиной для ее убийства (например, в романе есть эпизод убийства мужем жены из-за ее желания развода).

В романе представлено и вербальное насилие, воплощающееся во множественных оскорблениях, которые девочка – девушка – женщина слышит в свой адрес: единственная дочь в семье – это «подстилка, о которую все вытирают ноги» [1, с. 110], женщина – «человек второго сорта» [1, с. 114], девушка, которая решает без сопровождения старших родственников пойти в магазин – «шармута» (развратница) [1, с. 16] и т. д.

Разрушительность подавления в любой его форме подчеркивается тем, что оно распространяется не только на сам объект агрессии, но и на тех, кто находится рядом: мать, ставшая жертвой внутри своей семьи, «травит своей тоской» [1, с. 286] дочерей, не дает им тепла и любви. Осмысление этого усугубляет трагичность положения женщины, увеличивая количество ее внутренних травм. Еще более драматичен эпизод, в котором одна из героинь, живя в страхе от того, что ее беременность может

разрешиться рождением девочек, убивает новорожденных дочерей из-за отсутствия материальных ресурсов для их содержания.

Очевидно, И. Рам не оправдывает жестокость героев, но пытается найти – и находит – ее причины. Они кроются в том, что никто не стремится изменить традиции, по которым строится жизнь палестинцев. В книге нет ни одного персонажа, чью жизнь можно было бы назвать счастливой, благополучной. Без деятельного вызова традиционному укладу образ жизни палестинцев останется прежним, как и негласные законы, уничтожающие человека и физически, и психологически. Голоса свободы, в которых звучит такой вызов, спорадически появляются в романе: это и Истра, нашедшая в себе силы возразить мужу, и Сара, сбегавшая из родительского дома, и Дейа, которая поняла, что в побеге нет спасения, но оно есть в сопротивлении. Поступок Дейи, вступившей в открытое противостояние с родственниками, требующей уважать ее выбор продолжить учебу, а не становиться одной из миллионов женщин, отказавшихся от своих желаний, принесших свою судьбу в жертву традициям, противоречащим всем духовным ценностям мусульман, становится кульминационной точкой романа как в композиционном, так и в идейном плане.

Особое внимание в романе «Женщина – не мужчина» И. Рам обращает на то, что правила жизни, которые поддерживают палестинцы, оппонируют постулатам, закрепленным в Коране. Их этнические традиции, деспотичные и антигуманные (Дейа называет себя «жертвой деспотичной культуры, носительницей варварских традиций» [1, с. 127]), идут вразрез с религиозными законами. Само название «ислам» означает «упование на Бога». Это религия «мира, чистоты и добра. Она противостоит несправедливости и угнетению» [1, с. 99]. Иными словами, практика социального, семейного террора, распространившаяся в среде палестинцев, расходитсся с самой сутью ислама. Такое же прозрение посещает и героев романа, понимающих, что большая часть правил, которым они следуют «не имеют отношения к религии – это просто арабские обычаи» [1, с. 100]. Как вызов всему содержанию произведения звучат приводимые героями из Корана выдержки: «Дочери – это путь к спасению и дорога в рай» [1, с. 149] или «Небеса лежат у ног матери» [1, с. 334].

Обращает на себя внимание то, что, рассказывая о факторах, сформировавших мировоззрение героинь, стремящихся к свободе, И. Рам упоминает книги, которые они читали. И выбор этих книг не случаен. «Желтые обои» Ш. П. Гилман (в американском литературном дискурсе эта новелла воспринимается как начало литературы о женщинах и исследование тех рамок, в которые помещает их социум),

«Под стеклянным колпаком» С. Платт (в Платт видят продолжательницу традиций Гилман), также «Рассказ служанки» М. Этвуд, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Возлюбленная» Т. Моррисон – это книги о тоталитаризме и сопротивлении ему, это книги о бунте единиц, которые меняют сознание большинства, это книги о силе, необходимой для свершения таких перемен, о силе, которая помогает осознать ценность собственной личности. Так, Исра после увлечения чтением задумалась о том, что «может быть, она не такое уж и никчемное существо» [1, с. 240].

Вместе с тем писательница не снимает ответственности и с самих женщин: они так же, как и мужчины, поддерживают установившийся порядок и способны на насилие. Даже переехав из Палестины в США, женщины продолжают жить по восточным законам. Фарида, мать Адама, понимала, что отношение к Исре и во время беременности, и после появления дочерей – жестокое, бесчеловечное. «Может, не стоит так давить на нее?» [1, с. 138] – спрашивала она себя, но сама же и отвечала на этот вопрос: «Стоит», успокаивая себя тем, что «Исра – не единственная женщина в мире, которую шпыняют за то, что она родила дочку. ...Так было всегда... Может, это и не справедливо, но не она устанавливает правила. Они едины для всех. И Исра не исключение» [1, с. 138].

Исра, размышляя о том трагическом положении, в котором она оказалась, пытается найти ответ на вопрос, кого в этом винить. И также находит на него ответ: «Наверное, саму себе. А еще свою мать, и мать своей матери, и матерей всех матерей, до самого начала времен» [1, с. 275], то есть всех арабских женщин, не сопротивляющихся направленной на них агрессии.

Насилие в палестинской патриархальной культуре подавления сопряжено с молчанием. И. Рам в романе «Женщина – не мужчина» выступает против репрессирующей личности практики молчания, ставит под сомнение формулу «молчание – единственное спасение» [1, с. 320]. Весь ход повествования убеждает в том, что молчание не спасает, а усугубляет трагическое положение персонажей. Более того, молчание становится первым шагом к легализации принуждения, грубой силы, жестокости по отношению к женщине. После того как Адам впервые ударил Исру, ее больше всего ужаснула не сила, с которой он «хлестанул по лицу», а «внутренний го-

лос, который велел стоять смиренно, – и даже не само смирение, а легкость и естественность, с которой оно к ней пришло» [1, с. 196].

Единственная героиня, которая не стала молчать и заявила о своих чувствах, желаниях, стремлениях – Дейа. Ей удалось взять судьбу в свои руки, ей хватило смелости сделать противоречащий арабским внутрисемейным законам выбор самой принимать решения, она смогла обрести собственный голос и не упустила единственный шанс стать счастливой – верить в свои силы, ценить себя и свое человеческое достоинство.

Поступок Дейи противопоставлен позиции Фариды, которая как старшая из женщин, своеобразный матриарх, даже понимая необходимость перемен в жизни палестинской общины, не находит в себе силы для их свершения. Показательно утешительное для героини размышление о том, что для того, чтобы что-то изменить, желания и действия «одной женщины мало. Нужны женщины всего мира» [1, с. 338]. Эволюция образа Фариды связана с движением от начальной точки пассивности к осознанию ошибочности этих взглядов, которые в финале романа вызывают у нее стыд и разочарование в самой себе.

Заключение. Таким образом, Итаф Рам в романе «Женщина – не мужчина» убедительно демонстрирует, что насилие – деструктивная практика, уничтожающая как тех, на кого оно направлено, так и тех, кто его продуцирует. Власть социума, традиций заставляет героев романа совершать преступления против своей семьи и в итоге – против самих себя. Ненависть к себе, чувство вины, злобы из-за того, что пришлось совершить, разрушает человека, нивелирует ценность его собственной жизни.

В художественной картине мира произведения насилию противостоит бунт отдельного человека. Поступок Дейи показывает, что даже акт личного сопротивления может менять отношение к традиционным установкам, репрессирующим личность.

Специфика финала романа – альтернативная концовка. Исра не погибла от рук мужа, а вместе с дочерьми сбежала из семьи. И тогда в ее груди «всколыхнулось победное чувство. Наконец – свобода!» [1, с. 364]. Так И. Рам, исследуя культуру палестинцев, выступает против пассивности личности и социума, чье бездействие и молчание санкционируют насилие и угнетение по отношению друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рам, И. Женщина – не мужчина / И. Рам ; [пер. с англ. Д. Андреевой]. – М. : Синдбад, 2022. – 368 с.
2. Гранкина, Е. В. Специфика отражения проблемы насилия в романе Тони Моррисон «Джаз»: расовое, гендерное насилие внутри афроамериканской общины / Е. В. Гранкина // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков : статьи и материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Спб., 21–22 февраля 2012 г. / Государственная полярная академия. – СПб., 2012. – Т. 2. – С. 339–344.

REFERENCES

1. Ram, I. Zhenshchina – ne muzhchina / I. Ram ; [per. s angl. D. Andreevoj]. – M. : Sindbad, 2022. – 368 s.
2. Grankina, E. V. Specifika otrazheniya problemy nasiliya v romane Toni Morrison «Dzhaz»: rasovoe, gendernoe nasilie vnutri afroamerikanskoj obshchiny / E. V. Grankina // Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov : stat'i i materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Spb., 21–22 fevralya 2012 g. / Gosudarstvennaya polyarnaya akademiya. – SPb., 2012. – T. 2. – S. 339–344.

3. Гранкина, Е. В. Преломление феминистских концепций желания, власти и насилия в повести Д. К. Оутс «Черная вода» / Е. В. Гранкина // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 3, Філологія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 1 (93). – С. 85–89.
4. Гранкина, Е. В. Специфика концепта «насилие» в рассказе Д. К. Оутс «Куда ты идешь, где ты была?» через призму феминистской критики / Е. В. Гранкина // Дзявятыя Танкаўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 26 верас. 2014 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэд-кал.: В. Д. Старычонок (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 38–44.
5. Вся ненависть мира: насилие в литературе и искусстве : сб. ст. / РАН Ин-т русск. лит-ры (Пушк. Дом) ; редкол.: С. В. Денисенко [и др.]. – СПб., М. : ООО «Сам Полиграфист», 2021. – 294 с.
3. *Grankina, E. V. Prelomlenie feministских koncepcij zhelaniya, vlasti i nasiliya v povesti D. K. Outs «Chernaya voda» / E. V. Grankina // Vesnik GrDU imya Ya. Kupaly. Ser. 3, Filologiya. Pedagogika. Psihologiya. – 2010. – № 1 (93). – S. 85–89.*
4. *Grankina, E. V. Specifika koncepta «nasilie» v rasskaze D. K. Outs «Kuda ty idesh', gde ty byla?» cherez prizmu feministskoj kritiki / E. V. Grankina // Dzyavyatyia Tankaŭskiya chytanni : materyaly Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 26 veras. 2014 g. / Belarus. dzyarzh. ped. un-t ; redkal.: V. D. Starychonak (adk. red.) [i insh.]. – Minsk, 2014. – S. 38–44.*
5. *Vsya nenavist' mira: nasilie v literature i iskusstve : sb. st. / RAN In-t russk. lit-ry (Pushk. Dom) ; redkol.: S. V. Denisenko [i dr.]. – SPb., M. : ООО «Sam Poligrafist», 2021. – 294 s.*